

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ: ОТ РИМСКОГО ПРАВА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

С.И.Митина

Гуманитарный институт НовГУ, april5298@rambler.ru

Исследуется проблема становления и развития правового регулирования международных отношений посредством институтов частного и публичного права.

Ключевые слова: *частное и публичное право, история международного права, частное право и дипломатия*

The problem of formation and development of legal regulation of the international relations by means of the *civil* and public law institutions is investigated in this article.

Keywords: *civil and public law, history of international law, civil law and diplomacy*

Историческая традиция деления права на частное и публичное на всем протяжении существования юридической науки составляет предмет бурных дискуссий. Это не случайно, поскольку предмет и методы правового регулирования отраслей частного и публичного права настолько часто переплетаются, что не остается возможности для их четкого методологического разграничения.

Знаменитая формула разделения права на публичное и частное принадлежит римскому юристу Ульпиану: «...публичным правом мы называем то, что касается состояния всего римского государства, а гражданским то, которое касается интересов частных лиц» [1]. Так, критерием отличия публичного права от частного становится характер интересов субъектов правовых отношений.

Однако даже внутренняя жизнь любого государства или социума дает немало поводов для сомнений в возможности четкого разграничения названных интересов. А что уж говорить о жизни международной! Сами римляне демонстрировали достаточно «утилитарное» назначение структуризации собственного права, активно оперируя институтами частного права в практике международных отношений.

Римляне максимально использовали юридические институты для легализации своих имперских планов. Это весьма важный момент их политики в Восточном Средиземноморье, свидетельствующий о том, что отнюдь не одни лишь «железные» римские легионы прокладывали Риму путь к мировому господству. Юридическое закрепление прав римского народа на целые государства посредством оформления опеки и завещаний можно считать выдающейся дипломатической победой Рима, ничуть не уступавшей громким военным свершениям. Эти юридические акты закрепили законность и долговечность римской власти в Восточном Средиземноморье. Мало того, узаконивалось право римлян на внедрение в Азию своего административного аппарата, требовавшегося для управления доставшихся по завещанию территорий. А следовательно, приобретало законные основания право вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В институтах частного права римский сенат усмотрел действенный рычаг для решения имперских задач. Так, повод для приглашения римлян вмешаться

в региональную политику носил юридический характер. Египетский двор в лице римского сената искал действенной опеки для малолетнего Птолемея V. Восприняв роль опекуна как должное, Рим не преминул использовать право и дальше, уже для прикрытия аннексии территорий целых государств.

Вифинское царство выстраивало внешнеполитический курс в русле римских интересов, начиная со времени правления Пруссия II (ок. 182-149 гг. до н. э.), который публично демонстрировал, что признает себя вольноотпущенником римского народа. После смерти царя Никомеда II его наследник Никомед III Филопатор получил право на престол посредством признания его законным царем со стороны Рима. Наконец, в 74 г. до н. э. Никомед IV сделал своим наследником римский народ. «Никомед, союзник и друг римского народа, с которым в юности находился в дружественных отношениях Цезарь. Умирая, он сам по завещанию сделал римский народ своим наследником», — так говорит Луций Ампелий о дальнейшей судьбе Вифинии (Амр. 34. 3).

Но самой блестящей политической аферой Рима с использованием наследственного права можно считать обретение Пергама. При Аттале II Филадельфе Пергамское царство достигло вершины расцвета. В лице этого правителя Рим и римский торговый капитал нашли надежную опору на Востоке. Следующий царь Аттал III умер в 133 г. до н. э., будучи бездетным. Именно он оставил знаменитое завещание, по которому возвращал свободу Пергаму и одновременно завещал свое царство Риму. Луций Ампелий с позиций римской историографии характеризует ситуацию так: «Аттал, часто сражавшийся на стороне римлян; по завещанию он сделал римский народ своим наследником» (Амр. 33. 4; см. также: Eutr. IV. 18). Завещание было не просто политической декларацией, а полноценным юридическим документом, что подтверждается декретом городского собрания Пергама (OGIS. 338).

Данный акт подразумевал передачу Риму царской земли, казны и царских прав по отношению к другим частям страны. Рим принял наследство, но в качестве официального наследника вынужден был считаться хотя и с формальным, но все же определенным в завещании статусом Пергамского государства как свободного. Завещание как юридический документ признавало за Римом лишь право управления. Его со-

держание не предусматривало переход к римлянам имущества храмов и получение контроля над свободными греческими городами. Кроме того, завещание не избавляло от претензий других потенциальных наследников. Претендовавший на власть сводный брат умершего царя Аристоник поднял в 132 г. до н. э. восстание против римлян.

Тем не менее, политическая ситуация вскоре сложилась в пользу государства-наследника, и во многом как раз благодаря разгоревшемуся восстанию. Римлянам пришлось затратить немало усилий на его подавление, но, в конце концов, они получили формальный повод освободить себя от выполнения условий завещания Аттала III. В 130 г. до н. э. большая часть царства была превращена в римскую провинцию. Бывшее Пергамское царство стало самой важной и самой доходной провинцией Римского государства.

По завещанию Птолемея Апиона римскому народу перешла и Кирена, которая для начала была поставлена под управление римского наместника, а затем также превращена в провинцию. Пытались римляне и сам Египет «получить по наследству». Во всяком случае, в 80-х гг. I в. до н. э. в Риме активно муссировались слухи о некоем завещании египетского царя Александра I, якобы признавшего своим наследником римский народ. Однако на тот момент римляне, а именно Сулла, решились лишь на то, чтобы утвердить на египетском престоле своего ставленника Александра II.

Создается впечатление, что наследственное право стало одним из наиболее излюбленных и универсальных средств римской дипломатии, позволявших воплощать экспансионистские планы. Благодаря наследственному праву римская дипломатия проложила путь к полному подчинению ранее независимых государств при минимальной затрате материальных и военных ресурсов. Все это лишний раз доказывает универсальность и действенность институтов античного права.

Несмотря на видимую удаленность современной жизни от правовой действительности времен Древнего Рима, в целом не изменилось как содержание категорий «частное» и «публичное» право, так и принцип взаимопроникновения сфер правового регулирования.

Более того, сам процесс становления и развитие современного европейского права вовсе не шел по пути жесткого разграничения частного и публичного права. О.В.Михайленко обращает внимание на то, что в Германии, например, изначально публичного права как такового не было. Государство и его структуры традиционно подчинялись частному римскому праву, поэтому они признавались его участниками наравне с другими без конструирования особого вида субъекта [2].

Оценивая правовую природу римского государства на момент принятия того или иного наследства, нельзя не признать, что оно выступало в качестве юридического лица (в современном понимании этой правовой категории), представляющего интересы всего римского народа. А юридическое лицо, в свою оче-

редь, выражаясь словами того же автора, «...будучи явлением исключительно гражданского права, сконструировано лишь для одной цели — установить коллективного носителя частноправовых имущественных прав» [3].

Как следствие, у нас нет и не может быть оснований делать ссылки на античное право как на колыбель методологического разграничения частного и публичного права. Не следует преуменьшать прагматизм римского права и преувеличивать догму римской юриспруденции. Если римские юристы, в частности Ульпиан, и разграничивают предмет правового регулирования, то лишь в целях облегчения и упорядочения юридической практики. Повседневная жизнь римского общества диктовала приоритет политической необходимости над правом. И хотя ко времени Ульпиана (к. II — н. III в. н. э.) приращение имперских территорий за счет принятия наследств в целом закончилось, принцип наделения государства статусом полноценного юридического лица как участника гражданского оборота уже никто не отменял. Поэтому нельзя утверждать, что последующая идея деления системы права целиком восходит к римскому пониманию природы частного и публичного интереса. И тот же активно цитируемый в современной литературе К.Савиньи развивает отнюдь не мысль Ульпиана, когда рассуждает о том, что в публичном праве целое (государство) является целью, а отдельный человек занимает второстепенное положение; напротив, в частном праве отдельный человек является целью, а целое (государство) средством [4]. Юриспруденция нового и новейшего времени позаимствовала у античного права лишь идею возможности внутреннего деления системы права в целях упорядочения методов правового регулирования. При этом сохранился в качестве аксиомы принцип опосредованности предмета и методов правового регулирования частного и публичного права политической целесообразностью. Современному обществу не только не удалось отойти от этой данности, но наоборот ее присутствие обнаруживается все яснее по мере роста процессов глобализации. Во всяком случае, для современных специалистов это очевидно: «...политический оттенок соотношения частного и публичного права не может быть исключен из дискуссии по данной проблеме, поскольку право как социальный феномен объективно находится в тесной структурно-функциональной связи с политикой. Причем характер и степень этой связи особенно наглядно обнаруживаются как раз в контексте разделения права на частное и публичное» [5].

История античного права и государства дает еще один серьезный повод задуматься о природе правовых отношений, субъектами которых выступают одновременно государство и частные лица. В последнее время как раз активно дебатруется вопрос о все возрастающей значимости частных лиц в международных процессуальных правоотношениях [6]. Между тем, факт активного участия частных лиц в международных отношениях (материальных и процессуальных) и в качестве участников, и в качестве субъектов, имеющих права и реализующих обязанности, очевиден уже в рамках античной правовой традиции. Монарх,

выступающий в роли наследодателя, является одновременно и главой государства, и частным лицом. Именно такие примеры позволяют понять природу «системности римского правопорядка», который М.А.Горбуновым рассматривается как совокупность подсистем, связанных общими принципами, единой логикой развития, определяемой в итоге системным правопониманием римских юристов, их общим целостным видением сущности права как явления объективной реальности [7].

История средневековой Европы свидетельствует о дальнейшем развитии античного понимания «системности правопорядка». Т.А.Долгополова, анализируя геополитические идеи Карла V, справедливо подчеркивает, что, создавая свое государство, он основывался как на династических связях, так и на своих собственных завоеваниях, обосновывая свои притязания правовыми положениями как христианской веры, так и римским правом. Важнейшим же в его владениях было то, что они основывались на праве наследования и завоевания, согласно римскому праву и христианской вере [8].

Продолжая цепочку исторических аналогий, нельзя упустить из поля зрения германскую геополитическую доктрину времен О.Бисмарка. «Железный канцлер» принцип борьбы за существование одинаково распространял на жизнь целых народов и государств и утверждал, что внешнеполитические вопросы — вопросы не права, а силы. Они не решаются с помощью юридических или международно-правовых теорий. Но прежде чем приступить к их решению с помощью меча, лучше согласовать материальные интересы, чем застыть на договорах, статьях и параграфах. Анализирующий международно-правовые взгляды Бисмарка В.Г.Баев, подчеркивает, что наука международного права не может не признавать наличие известного напряжения между формально-правовой обязанностью по договору и государственным интересом: «Большое государство может не разделять позицию малого государства, тем не менее, если оно (большое государство) выполняет требования международного права, можно предположить, что ему это выгодно. При отсутствии этой выгоды оно ничего не желает знать о международном праве и будет защищать свои притязания с помощью силы» [9]. Таким образом, международное публичное право никогда не регламентировало и не ограничивало частный интерес, если он был подкреплён санкцией сильного государства.

Когда современные ученые обращают внимание на присутствующую в правовых доктринах нового и новейшего времени оценку государственного суверенитета как категории исторической, а не абсолютной [10], они лишь подтверждают очередной цепочкой логических выводов существующую с античных времен практику. Если такой глобальный для характеристики сущности государства признак как «суверенитет» подчиняется частно-правовым принципам регулирования, то чего стоят после этого все доводы в пользу разграничения предмета и методов правового регулирования соответственно частному и публичному праву.

И «большие», и «малые» государства представляют на международной арене интересы определенных социумов, для которых характерно стремление к удовлетворению конкретных интересов. Е.В.Алексеев обращает внимание на то, что в целом защита интересов социума, государственных интересов, суверенитета и безопасности обеспечивается посредством норм, закрепленных в актах публично-правового характера, но при этом в любой национальной правовой системе можно выделить группу публично-правовых норм, не только регулирующих субординационные отношения между участниками внешнеэкономической сделки и государством в лице его органов, но и воздействующих на горизонтальные связи юридически равных субъектов. В литературе такие нормы обозначаются терминами «публичные нормы с частноправовым эффектом», «нормы публичного права, воздействующие на частноправовые отношения» [11].

Такая ситуация отражает подвижность «границ» частного и публичного права, доказывает способность взаимного проникновения и обмена элементами механизма правового регулирования. Наконец, подводя итог краткого историко-правового анализа, можно согласиться с Г.А.Прокоповичем, подчеркивающим, что сопоставление и противоположение публичного и частного не может и не должно служить основанием для разграничения публичных прав и юридических отношений от гражданских, потому что нет такого юридического явления, которое бы не имело в одно и то же время и публичный, и частный характер [12].

1. Дигесты Юстиниана. М., 1984. С.23.
2. Михайленко О.В. Публичные юридические лица в частном праве и частные юридические лица в публичном праве // Журнал российского права. 2011. №3. С.111.
3. Там же. С.116.
4. Болгова В.В. Общая характеристика материальных теорий разграничения права на публичное и частное // Право и политика. 2008. №7. С.1566.
5. Коршунов Н.М. Частное и публичное право: проблемы формирования современной теории конвергенции // Журнал российского права. 2010. №5. С.67.
6. Махниборода И.М. Характеристика международной процессуальной правоспособности // Современное право. 2010. №11. С.130; Ершов В.В. Соотношение международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Российское правосудие. 2011. №6 (62). С.5.
7. Горбунов М.А. Правопонимание римских юристов как фактор системности римского правопорядка // Закон и право. 2010. №5. С.119.
8. Долгополова Т.А. Геополитическая идея «всемирной империи» императора Карла V // Совершенствование правовых форм международного сотрудничества в современных условиях: Сб. науч. ст. по мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. 22-23 октября 2009 г. Ростов н/Д., 2009. С.430.
9. Баев В.Г. Государственные интересы в международно-правовых взглядах Бисмарка // Современное право. 2010. №4. С.163, 165-166.
10. Ершов В.В. Соотношение международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Российское правосудие. 2011. № 6 (62). С.4.
11. Алексеева Е.В. Применение судами и арбитражами публично-правовых норм при признании внешнеэкономических сделок недействительными // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. №2. С.160.
12. Прокопович Г.А. О системной модели юридической ответственности в публичном и частном праве // Современное право. 2010. №1. С.6.

Bibliography (Transliterated)

1. Digesty Yustiniana. M., 1984. S.23.
2. Mixajlenko O.V. Publichnye yuridicheskie lica v chastnom prave i chastnye yuridicheskie lica v publichnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. №3. S.111.
3. Tam zhe. S.116.
4. Bolgova V.V. Obshhaya karakteristika material'nyx teorii razgranicheniya prava na publichnoe i chastnoe // Pravo i politika. 2008. №7. S.1566.
5. Korshunov N.M. Chastnoe i publichnoe pravo: problemy formirovaniya sovremennoj teorii konvergencii // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. №5. S.67.
6. Maxniboroda I.M. Karakteristika mezhdunarodnoj processual'noj pravospособnosti // Sovremennoe pravo. 2010. №11. S.130; Ershov V.V. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Rossijskoe pravosudie. 2011. №6 (62). S.5.
7. Gorbunov M.A. Pravoponimanie rimskix yuristov kak faktor sistemnosti rimskogo pravoporyadka // Zakon i pravo. 2010. №5. S.119.
8. Dolgoplova T.A. geopoliticheskaya ideya «vsemirnoj imperii» imperatora Karla V // Sovershenstvovanie pravovyx form mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sovremennyx usloviyax: Sb. nauch. st. po mat. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 22-23 oktyabrya 2009 g. Rostov n/D., 2009. S.430.
9. Baev V.G. Gosudarstvennye interesy v mezhdunarodno-pravovyx vzglyadax Bismarka // Sovremennoe pravo. 2010. №4. S.163, 165-166.
10. Ershov V.V. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviyax globalizacii // Rossijskoe pravosudie. 2011. №6 (62). S.4.
11. Alekseeva E.V. Primenenie sudami i arbitrazhami publichno-pravovyx norm pri priznanii vneshneekonomicheskix sdelok nedejstvitelnymi // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2009. №2. S.160.
12. Prokopovich G.A. O sistemnoj modeli yuridicheskoy otvetstvennosti v publichnom i chastnom prave // Sovremennoe pravo. 2010. №1. S.6.

УДК 94(47).084.8

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ С 1917 ПО 1930 гг. (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Т.Г.Мишина

Гуманитарный институт НовГУ, tanya.mishina@mail.ru

Содержание статьи является осмыслением становления и развития института адвокатуры советского периода с 1917 по 1930 гг. на примере Новгородской губернии с позиций исторической науки. Автор описывает особенности деятельности новгородской адвокатуры в вышеуказанный период, фокусируя свое внимание на положении адвокатов в системе советских органов государственной власти и делая вывод об определенной автономии института адвокатуры по отношению к власти.

Ключевые слова: советская адвокатура, советская история, исследования, адвокат, Новгородская область

This article describes historical development of Soviet advocacy from 1917 to 1930 by the example of Novgorod region from the view of historical science. Author writes about peculiarities of functioning of Novgorod advocacy of that period, focusing attention on the situation of lawyers in the Soviet system of government bodies, making a conclusion about the degree of autonomy of the advocacy in relation to power.

Keywords: Soviet advocacy, Soviet history, investigations, advocate, Novgorod region

В истории советской адвокатуры не могла не отразиться история всей страны. Изучение истории развития советской адвокатуры с 1917 по 1930 гг. позволяет исследователям лучше разобраться в характере современного общества и государства.

В 1917 г. адвокаты как специалисты, происхождение которых было связано со старым режимом, представляли угрозу партийной монополии на политическую власть. Ведь никак нельзя было полагаться на то, что адвокаты будут преданно способствовать выполнению революционных политических и социально-экономических программ. Советское решение этой дилеммы состояло в следующем: использовать в течение недолгого времени знания и опыт старой интеллигенции и создать в будущем хорошо управляемую советскую элиту [1].

После прихода к власти большевиков в 1917 г. началось становление новых принципов системы судопроизводства. По инициативе местных Советов стихийно возникали новые судебные органы: революционные суды, народные суды, мировые суды, суды народной совести и др. В своих решениях они руководствовались «революционной совестью», «ре-

волюционным правосознанием» и обычаями [2]. Первым государственным актом, положившим начало формированию единой судебной системы, стал принятый 22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров Декрет о суде, который вошел в историю как знаменитый Декрет №1. Он упразднял все общие судебные установления: судебные палаты, правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные и морские суды, коммерческие суды. Ликвидировались и окружные суды, в том числе и Новгородский окружной суд. Вместо прежних судебных органов создавались местные суды и революционные трибуналы, которые могли руководствоваться «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [3]. Пунктом третьим Декрет упразднял существовавшие тогда институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также институты присяжной и частной адвокатуры [4]. Реакцией на декрет со стороны присяжных поверенных было резкое неприятие власти большевиков. Адвокатуры Петрограда и Москвы потребовали созыва Учредительного